

НАХОДКИ В ДРЕВНЕМ ЛАЦИИ И ИХ МЕСТО В ПОНИМАНИИ ТРАДИЦИИ ОБ ЭНЕЕ НА ЗАПАДЕ

Среди многочисленных мифологических персонажей, имена которых античная традиция связывает с передвижениями народов или основанием городов, особое место занимает Эней. Он благодаря той роли, какую приобретает Рим, становится главным героем большинства преданий, связанных с прошлым Центральной Италии. Античные авторы — и латинские и греческие — видели в появлении Энея в Италии как бы хронологический рубеж между ее древнейшей историей, теряющейся в легендах, и той эпохой, которая воспринималась уже как период вполне исторический.

Как известно, Эней появляется уже у Гомера (II. VI, 77 sq.; XX, 307 sq.). Но и у Гомера и в «Гомеровских гимнах» (IV, 492—197) герой связан только с Малой Азией. Впервые мысль о выходе Энея за пределы Трои появляется лишь в киклическом эпосе VII—VI вв. до н. э., связывающем судьбу героя после падения Трои с Фракией и основанным там городом Айнеей (Cycl. 187), а мотив появления беглецов из Трои в Италии зафиксирован еще позднее — в VI—V вв. до н. э.: возможно, об этом говорилось у Гекатея — на основании фр. 27, где название Капуи производится от имени деда Энея, Каписа, Гелланика (фр. 53), Дамаста Сигейского (ар. Dion. Hal. I, 72), Антиоха Сиракузского (FHG, Ant. fr. 27).

Для V—IV вв. до н. э. можно наблюдать сосуществование противоречащих друг другу версий: гомеровской, поддерживаемой в основном историками Трои (Деметрий из Скепсиса, Агафокл из Кизика), и иных вариантов размещения Энея во Фракии (Эгесикант из Александрии), в Аркадии (Арисф Аркадский) и доводящих его до Италии через Фракию (Гелланик, Дамаст Сигейский) или Аркадию (Полемон из Илиона, Агафилл Аркадский)¹. И лишь с III в. до н. э., с ростом могущества Рима, версия об Энее в Италии становится преобладающей и ее разработка, весьма основательная уже у Тимея, становится все подробней и подробней. Воспринятая через Тимея первыми римскими поэтами и историками, она обрастает красочными подробностями и вбирает в себя первоначально самостоятельно существовавшие легенды, входящие в цикл сказаний о переселениях в Италию и Сицилию троянских героев — об Элиме, Эгесте, Антеноре.

На новой основе складывается изложение истории троянского героя у антикваров — особенно Дионисия Галикарнасского — и поэтов эпохи Августа. И труд Дионисия и поэма Вергилия отражают официальную постановку вопроса того времени, когда у власти оказывается правитель, возводящий свой род к Энею. Образ Энея теперь приобретает черты, сближающие его с нравственным идеалом века Августа, а в связи с возросшей популярностью троянского героя и в самой Италии и за ее пределами появляется огромное количество претендующих на глубокую древность

¹ Подробно историю античной традиции об Энее см. в кн.: Galinsky G. K. *Aeneas, Sicily and Rome*. Princeton, 1969.

мест, связываемых с Энеем или его спутниками. Дионисий Галикарнасский перечисляет все эти места, часть которых он счел нужным посетить (Dion. Hal., I, 44—60).

Наряду с этим существуют сведения о ряде древнейших городов Лация, основание которых приписывается Сатурну, Пикусу, Латину, Одиссею, сыну Одиссея от Кирки и др.² Некоторые из этих городов были рано разрушены Римом и даже местоположение их оставалось неизвестным. Другие продолжали существовать в римскую эпоху, но как древнейшие центры, современные царскому Риму и более древние, чем он, они не были выявлены археологически, что создавало, как мы теперь понимаем, ошибочную картину истории Лация и возникновения Рима.

Лучшая изученность Этрурии с ее богатыми некрополями, предполагающими наличие городов VIII—VII вв. до н. э., способствовала еще большему укреплению ошибочного представления о Лации, который по контрасту с Этрурией производил впечатление области с малоразвитой культурой³.

В 50-х гг. прошлого века раскопки в старинном латинском городе Пренесте дали богатейший материал двух, как их до сих пор условно называют, «княжеских» гробниц — Барбардини и Барберини: тончайшей работы изделия из слоновой кости, золота, серебра, бронзы, среди которых особенно прославлены пренестийские цисты, серебряные сосуды финикийского происхождения и пр.⁴ Однако единичность этих находок в Лации создавала впечатление, что речь идет о памятниках этрусского проникновения в Лаций, оказавшихся в захоронениях умерших и похороненных там этрусков⁵.

С такой трактовкой согласовывался, казалось бы, вполне обрисовавшийся к концу прошлого — началу нашего столетия облик Лация до проникновения туда этрусского влияния. Постепенно выявлявшиеся с начала XIX в. довольно однородные могильники Альбанских гор с их примитивной керамикой и бедностью металлами, не идущие ни в какое сравнение с современными им погребениями Этрурии или Бруттия, говорили об обществе, находящемся на невысоком уровне развития. О примитивности и изолированности культуры Лация свидетельствовали и результаты раскопок Д. Бони на месте римского форума⁶.

Последующее выведение Лация из такого примитивного состояния большинством исследователей связывалось с этрусками⁷. В эту схему вписались и первые сведения археологии, параллельные римской мифологической традиции об Энее в Италии. Появились эти сведения в 50-х гг. нашего века, когда в ходе раскопок на территории древней Этрурии было обнаружено множество сосудов с изображением Энея и даже статуэтка, запе-

² Списки «*saga oppida*» Лация и «*populi Albenses*»: *Plin.*, N. h. III, 68—69.⁵ Обзор данных традиции: *Nissen H.* *Italische Landeskunde*. Bd. II, 2. B., 1902, S. 555—576.

³ На территории будущего Рима древние авторы выделяли два города — Сатурнию и Яникул (*Plin.*, N. h. III, 68; *Verg.*, *Aen.* VIII, 355). В последние годы выявлено городское поселение на месте Форума, восходящее к XII в. до н. э. (*Peroni R.* *L'insediamento subappenninico della valle del Foro.*— *Archeologia Laziale* II, Roma, 1979, p. 171—176).

⁴ *Curtis C. D.* *The Bernardini Tomb.*— *Memoirs of the American Academy in Rome*, III, 1949, p. 1 f.; *idem.* *The Barberini Tomb.*— *Ibil.*, 1925, p. 9 f. Новое издание материалов гробницы Барбардини с критическими и библиографическими дополнениями: *Canciani F., Hase F. W.* *La tomba Bernardini di Palestrina (Latium Vetus)*. Roma, 1979. Золотая фибула из Пренесте с надписью, считавшейся древнейшим латинским текстом, оказалась, как выявило ее исследование (включавшее также анализ металла), фальшивкой, обязанной своим существованием деятельности Ф. Мартинетти, коллекционера и гравера, и беспечности археолога В. Гельбига, который без должной проверки ввел ее в 1887 г. в научный оборот (*Guarducci M.* *La cosiddetta Fibula Prenestina*. *Antiquari, eruditi e falsari della Roma dell'Ottocento.*— *Mem. Lincei, serie VIII, XXIV*, 1980, p. 413—574).

⁵ *Alföldi A.* *Early Rome and the Latins*. Ann Arbor, 1965.

⁶ См. *Немировский А. И.* *История раннего Рима и Италии*. Воронеж, 1962, с. 81 сл.

⁷ *Binder J.* *Die Plebs*. Lpz., 1909, S. 249 ff.

чатлевшая троянского героя с Анхизом на плечах⁸. В связи с такого рода находками и было высказано предположение, что распространителями культа Энея в Италии следует считать этрусков, а сам образ Энея рассматривать как отражение факта этрусского владычества в Италии⁹. Некоторые исследователи пошли еще дальше, усмотрев в этрусках троянцев и использовав предание об Энее в качестве доказательства троянского происхождения этрусков¹⁰. При этом, правда, оставалось неясным, почему этруски, если именно их считать создателями легенды, избрали для высадки героя Лаций, а не какой-либо из центров собственно Этрурии, но объяснение этому находили в последующей модернизации, в естественном желании связать Энея с землей Рима, превратившегося в мировую империю.

В 60-х гг. интересный материал, казалось бы, в подтверждение этрусской теории, дали открытия на территории древнего Лавиния. В 4 км от древнего города, в полукилометре от моря была обнаружена священная зона Лавиния: 13 алтарей, вытянутые в ряд. Их сразу же сопоставили с теми алтарями, которые, по словам Дионисия Галикарнасского (I, 55), показывали в его времена в месте, носившем название «Троя», как достопримечательность, связывавшуюся с высадкой в Лации Энея¹¹. Строительная деятельность разворачивалась с середины VI в. до н. э., когда были возведены три первых алтаря, до середины II в. до н. э., когда последний раз проводилась реконструкция нескольких из них¹². Затем алтари приходят в запустение, и уже не прослеживаются никаких следов жертвоприношений¹³, так что вполне логично думать, что к I в. до н. э., когда эти места посещал Дионисий, могли показывать два сохранившихся алтаря, связывая их с давними временами высадки Энея.

Более углубленное изучение самой структуры алтарей выявило показательную специфику их конструкций: три площадки в виде буквы П, между которыми на несколько более низком уровне еще одна площадка в виде куба. Такая конструкция археологами встречена впервые, но она, как считают исследователи, сопоставима с теми *spanti* и *egeso* игувинских табличек, на которых ритуал предписывал разрезать и располагать обгоревшее мясо жертвенного животного (*Igurv. III, 33 sq. — IV, 2*). Еще Орси¹⁴ и вслед за ним Дж. Девото¹⁵ видели в *spanti* боковые и заднюю плоскость алтаря, а в *egeso* — какой-то алтарь, расположенный поблизости от основного. После находки в Лавинии Ф. Кастаньоли приходит к выводу о сходстве конструкции лавинийских алтарей с конструкцией, из которой исходит ритуал, зафиксированный в игувинских табличках. Тогда *egeso* следует понимать как внутренний куб, с трех сторон окруженный площадками — *spanti*¹⁶. А. Пфиффиг, сопоставляющий игувин-

⁸ *Schaubenburg K.* — *Gymnasium*, 67, 1968, s. 176 ff.

⁹ *Alföldi A.* *Die Etrusker in Latium und Rome.* — *Gymnasium*, 70, 1963, S. 385—393.

¹⁰ *Bömer F.* *Rom und Troia. Untersuchungen zur Frühgeschichte Roms.* Baden-Baden, 1951; *Alföldi A.* *Die Trojanische Urahnen der Römer.* Basel, 1957; *Георгиев В.* Происхождение этрусков. — ВДИ, 1952, № 4, с. 135 сл.

¹¹ *Gastagnoli F.* *I luoghi connessi con l'arrivo di Enea nel Lazio.* — *Archeologia classica*, XIX, 1966, fasc. 2, p. 338.

¹² Первоначально возведенные три алтаря в течение столетия оставались единственными, пока в середине V в. до н. э. к ним не было прибавлено еще пять. К концу IV в. до н. э. происходит дальнейшее расширение: достраиваются сначала четыре алтаря, опирающиеся на единую площадку, а затем еще один (тринадцатый) изолированно. Последующая реконструкция затрагивает первый, второй и восьмой алтари (*Giuliani C. F., Somella P.* *Lavinium. Compendio dei documenti archeologici.* — PdP, 1977, p. 356—359).

¹³ *Ibid.*, p. 359.

¹⁴ *Orsi P.* *Quattro anni di esplorazioni sicule nella provincia di Siracusa (1880—1893).* Parma, 1894, p. 43 sgg.

¹⁵ *Devoto G.* *Tabulae Iguvinae.* Roma, 1962, p. 240, 387.

¹⁶ *Castagnoli F.* *Sulla topografia degli altari di Lavinio.* — *Bulletino della Commissione archeologica Comunale.* Roma, 77, 1959/1960 (1962), p. 145 sg.

ский ритуал со сведениями об этрусских обрядах, обращает внимание на присутствие в ритуальном Загребском тексте близкого к *spanzi* слова *spanza*, которое он предлагает трактовать как уменьшительную форму от *spanzi*, и одновременно обращает внимание на наличие в архаических этрусских нерелигиозных текстах последней четверти VII в. до н. э. слова *spanzi* для обозначения плоской тарелки¹⁷.

Не менее интересный материал дали и раскопки самого городского центра. К 70-м годам, когда были выявлены городская стена, акрополь и значительная часть поселения, выяснилось, что хотя наивысший расцвет города приходился на тот же самый VI в. до н. э., к которому относятся появление первых алтарей, но наиболее глубокие слои поселения и самые древние из могил его некрополя датируются гораздо более ранним временем — начиная с IX в. до н. э.¹⁸

Наибольший интерес представила находка героона какого-то значительного лица: курганный погребение с камерой из отесанных камней и площадкой для жертвоприношений. Местонахождение памятника наводит на мысль, что перед нами известная из сообщений античных авторов, в частности Дионисия Галикарнасского (I, 64), так называемая «гробница Энея», где в IV в. до н. э. был установлен официальный культ троянского героя. Героон в том виде, в каком он сохранился, относится как раз к IV в. до н. э.¹⁹ И перестройка героона, и архаическая стела конца IV или самого начала III в. до н. э. с посвящением Энею, обнаруженная еще в конце 50-х гг.²⁰, и резкое увеличение к концу того же IV в. до н. э. количества алтарей в священной зоне Лавиния — все это должно находиться в явной связи с установлением римлянами официального культа Энея в Лавинии.

Но культ лица, погребенного в герооне, существовал и до того времени, хотя и не отличался такой масштабностью, какую (судя по перестройке) он приобрел в IV в. до н. э. Удалось не только установить следы этой перестройки, но и определить первоначальную часть памятника, датирующуюся второй четвертью VII—VI в. до н. э.²¹

Если еще связь алтарей с традицией об Энее могла показаться не бесспорной ввиду возможности связать предание с более древними, чем оно само, памятниками, то наличие героона решительно опровергает мнение о том, что легенды об Энее были созданы на основе греческих моделей Гнеем Невием или Фабием Пиктором во второй половине III в. до н. э. Показав непричастность греков к внедрению традиции об Энее в Италию, открытия в Лавинии, казалось, полностью вписались в теорию этрусского распространения легенды об Энее, поскольку как раз в VI в. до н. э. Лаций был колонизован этрусками, а сам героон вполне напоминал этрусский тумулус.

Однако еще в 50-х гг., когда этруская теория казалась наиболее обоснованной археологически, Ф. Бемер и А. Альфельди предложили связать легенду об Энее в Лации с передвижением из Трояды в Италию какой-то части негреческого населения, принесшей с собой малоазийские культы, особенно культ Афродиты²². Гипотеза эта, которую в советской науке поддержал Р. В. Гордезиани²³, высказанная на очень ограниченном в 50-х гг. археологическом материале, в настоящее время нашла подтверждение в новых открытиях на Тирренском побережье Лация, вносящих существенные коррективы в наши представления о Лации VIII — VII вв.

¹⁷ *Pfiffig A. Religio etrusca. Graz, 1975, S. 75.*

¹⁸ *Giuliani, Somella, Lavinium...*, p. 356 sg.

¹⁹ *Somella P. Heroon di Enea a Lavinium. Recenti scavi a Pratica di Mare.— Rendiconti della Pontificia Accademia Romana di archeologia, XLIV, 1974—1972, p. 73.*

²⁰ *Scoperta di antichissime tracce del mito di Enea nel Lazio.— RFIC, 1960, № 1, p. 98.*

²¹ *Giuliani, Somella. Lavinium...*, p. 367.

²² *Bömer. Rom und Troia...; Alfoldi. Die Troianische Urhnen...*

²³ *Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978, с. 221.*

до н. э., установившийся в науке образ которого сложился на основании раскопок Альба-Лонги с ее примитивными погребениями и столь же примитивных захоронений, обнаруженных на месте будущего римского форума, тогда как две раскопанные в Пренесте гробницы (Бернардини и Барберини) с богатейшим инвентарем ввиду их единичности на почве Лация до сих пор считаются рядом исследователей захоронениями живших в латинском городе этрусков и расцениваются как «впечатляющее свидетельство раннеэтрусской культуры»²⁴.

В 70-х гг. в районе Кастель-ди-Дечима, на пути между Римом и древним Лавинием, был открыт некрополь поселения, процветавшего уже в начале VIII в. до н. э.²⁵ Исследователи высказывают вполне обоснованное предположение, что это город древних латинов Политорий, основанный, согласно версии Катона Старшего (общепринятой, насколько можно судить по Verg., Aen. V, 564), троянцем Политом, сыном Приама и Гекубы (Cato, Orig. fr. 26). По словам Плиния Старшего, город Politorium — один из 20 рано исчезнувших «славных латинских городов» (Plin., N. h. III, 68)²⁶. Традиция сообщает, что он был завоеван после длительной осады четвертым римским царем Анком Марцием (Liv., I, 33, 4; Dion. Hal., III, 37), после чего жители оставили город, а на его земли попытались вывести своих колонистов латиняне, но Анк Марций воспрепятствовал этому, жителей же опустевшего города переселил в Рим (Dion. Hal., III, 38; 43).

Обращает на себя внимание, что античная традиция непосредственно троянцам приписывает только три города — Лавиний, Альба-Лонгу и Политорий и при этом семантически связывает с именем троянского героя лишь Политорий.

Материалы раскопок Альба-Лонги давали основание думать о бедности населения Лация и отсутствии каких бы то ни было внешних контактов; что же касается раскопок Лавиния, то наиболее древние слои города представлены там настолько незначительным материалом²⁷, что судить об образе жизни населения в VIII и даже VII в. до н. э. представляется невозможным, а с VI в. до н. э., когда город археологически вырисовывается достаточно четко, мы имеем дело уже со временем включения Лация в орбиту этруского влияния.

Тем большее значение приобретают находки в Кастель-ди-Дечима, датируемые IX—VII вв. до н. э. и позволяющие, таким образом, судить о прибрежной полосе доэтрусского Лация, причем об участке, имеющем для нас тем больший интерес, что он лежит на пути, соединяющем Рим и Лавиний.

Погребальный холм был известен здесь еще в начале нашего века²⁸, но раскопки его, выявившие тумулус диаметром в 32 м и высотой 2 м с крепидой из туфовых плит, начались лишь в 1974 г. после открытия об-

²⁴ См. например, Weeber K.-W. *Geschichte der Etrusker*. Stuttgart, 1979, s. 37.

²⁵ Zevi S., Bedini A. *La necropoli arcaica di Castel di Decima*. — SE, XLIII, 1973, p. 27 sgg.; Bedini A. *L'Ottavo secolo nel Lazio e l'inizio dell'orientalizzante antico alla luce di recenti scoperte nella necropoli di Castel di Decima*. — PdP, 1977, p. 274 sg.

²⁶ Плиний среди 30 альбанских народов (populi Albenses) упоминает неких Poletaurini (N. h. III, 69). Близость плеонаима Politorium и этнонима Poletaurini могла бы навести на мысль, что полетаурины — жители Политория, однако, ни один из 29 остальных этнонимов не совпадает ни с одним из городов Лация, названных в Плиниевом списке (Plin., N. h. III, 68).

²⁷ Ряд исследователей вообще считает, что о Лавинии как городе можно говорить лишь с середины VII в. до н. э. (Castagnoli F. *Roma arcaica ed i recenti scavi di Lavinio*. — PdP., 1977, p. 342).

²⁸ В середине прошлого века в холме, лежавшем к югу от Кастель-ди-Дечима, было предложено видеть тумулус владыки Лаврента Дерценна, упоминаемый Вергилием (Aen. XI, 849—851), а поблизости от него, в местечке Торетта, располагали древний Политорий, однако в начале XX в. было внесено уточнение: холм, принятый за тумулус в прошлом столетии, признали образованным из естественного туфа, а погребальный тумулус был правильно определен в соседнем с ним холме.

ширного некрополя, привлечшего внимание исследователей к этому району. Раскопки дали множество бронзовых пластинок от щитов, бронзовую посуду, фрагменты железного обруча от колеса. Находки позволяют датировать тумулус третьей четвертью VIII в. до н. э.²⁹

Захоронения в тумулусе не обнаружено — факт, который может иметь двойное объяснение: либо это кенотаф, либо, если это настоящее погребение, то с совершенно особым ритуалом. Большинство исследователей считает наиболее вероятным второе предположение. Вещи, найденные в тумулусе, могли принадлежать умершему, подвергнутому кремации, о которой позволяет думать слой черноватой земли с крошечным бронзовым предметом и керамики, интерпретированный по результатам химического анализа как остатки погребального костра, разведенного в прямоугольном рву³⁰.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в ровике, окружающем возвышение, относится к VIII в. до н. э., времени возведения тумулуса, но впоследствии, в первой половине VII в. до н. э., он был использован повторно. От этого второго периода до нас дошли предметы, сосредоточенные во рву, связанном с центральной камерой, и относящиеся, как полагают, к одному или нескольким погребениям, группировавшимся вокруг центрального³¹. Очень интересно сходство тумулуса Политория с тумулусом, раскопанным в Лавинии. Оно прежде всего прослеживается в структуре с искусственным возвышением, выложенным туфом, и с ровиком вокруг погребения, облицованным плитами. Но возведенный по крайней мере за столетие до первой постройки лавинийского тумулуса тумулус Политория может рассматриваться вне этрусского влияния. При этом с самого начала он имел размеры, близкие к тем, какие приобрел лавинийский героон в ходе перестройки и расширения IV в. до н. э., когда этрусское господство над Лацием осталось уже в прошлом, а не к размерам той небольшой постройки, которая была возведена в Лавинии во второй четверти VII в. до н. э.

Конечно, наличие в пределах древнего поселения огромного тумулуса не дает основания считать его захоронением, мнимым или настоящим, основателя города троянца Полита. Но важна масштабность постройки и богатство погребального инвентаря этого тумулуса, кому бы он ни принадлежал, и других погребений, раскопанных в некрополе поселения. Некрополь этот, несколько не самых интересных могил которого были случайно обнаружены еще в 1953 г., систематически раскапывается с 1971 г., когда после пробных разведок, показавших перспективность поисков, начались работы, в результате которых были открыты сотни погребений. Уже в первые сезоны раскопок некрополя определились его хронологические рамки: основная масса могил датируется первыми тремя четвертями VII в. до н. э., захватывая средний ориентализирующий период. Наиболее ранними сначала считались погребения второй половины VIII в. до н. э., но в ходе дальнейших раскопок верхняя граница была отнесена к началу VIII в.; самые поздние захоронения относятся к последним десятилетиям VII в. до н. э., после чего поселение и его некрополь явно исчезают³². Эта хронология вполне согласуется с упоминавшимся сообщением традиции об уничтожении Политория Анком Марцием.

Инвентарь и само устройство могил показали значительную социальную дифференциацию населения этого относящегося к началу железного века центра. Все погребения расположены на глубине от 80 см до метра, но лишь меньшая их часть имеет каменное покрытие, предохраняющее от почвенных вод, и еще меньше — кроме каменного верха, камни также и по сторонам. Несомненно, по-разному должны были выглядеть и надгробья,

²⁹ *Bedini. L'ottavo secolo...*, p. 290—294.

³⁰ *Ibid.* p. 294.

³¹ *Ibid.*, p. 294—295.

³² *Zevi, Bedini. La necropoli...*, p. 39; *Bedini. L'ottavo secolo...*, p. 308 sg.

но они не сохранились. Только об одной из могил, покрытой тремя рядами туфовых камней, открывшими ее археологами было высказано предположение, что над образованной камнями плоской поверхностью мог располагаться небольшой тумулус³³.

Но главное отличие могил друг от друга, конечно, в инвентаре, располагавшемся чаще всего на дне ямы. На сотню могил, раскопанных в течение первого сезона, приходилось пять беднейших захоронений, почти лишенных инвентаря, три очень богатых погребения второй половины VIII в. до н. э. (видимо, не случайно группировавшихся вокруг тумулуса), остальные относительно однородные³⁴. Дальнейшие работы, почти вчетверо увеличившие число раскопанных могил, дали еще несколько богатых погребений начала и середины VIII в. до н. э.³⁵ Большинство могил имеет одинаковую ориентацию, но встречаются по всему некрополю отдельные захоронения, ориентация которых необычна, и это как раз те погребения, которые лишены инвентаря³⁶.

Характерно, что для погребального инвентаря наиболее богатых захоронений типичны боевые колесницы, колеса которых имеют железные ободья. Занимают они почти всю могилу, и умерший лежит под дышлом. Единственное исключение — могила № 15, размеры которой (2,8 × 4,5 м) вдвое больше обычных для Каstell ди Дечима, — там колесница располагалась на северной стороне, тогда как тело покойника занимало южный край ямы.

Воинов хоронили в полном вооружении (что характерно и для этрусских могил). У головы клали меч в ножнах, у ног — копьё (от копий сохранились железные наконечники); в могилу помещали также щиты (несколько щитов протовиллановского типа из могилы № 21 изумительны по красоте) и нередко намордники для коней³⁷. Обращает на себя внимание, что часть могил содержит только копьё, часть — только мечи, и лишь около половины покойников имеют то и другое³⁸. И в мужских и в женских богатых погребениях — обилие бронзовых сосудов разных форм и размеров, но одинаково великолепной работы, протокоринфская, этрусская, фалисская керамика, золотые и серебряные вещи, резная слоновая кость, бронзовые треножники; в женских — много украшений. Особенно интересна могила № 266, содержащая наряду с множеством янтарных украшений скарабей с иероглифической надписью «Аммон из Карнака»³⁹.

Как тумулус, так и гробницы некрополя Каstell-ди-Дечима с их обилием янтаря, золота, серебра, слоновой кости, финикийских сосудов, египетских скарабеев свидетельствуют о контактах с Востоком, что позволяет обратиться к сопоставлению тумулуса не только с тумулусами Этрурии, но и погребальными холмами Малой Азии, известными по погребению Гита — того же времени, что и тумулус Политория. Свидетельствуют эти погребения и о высоком уровне социально-экономического развития, в полной мере соответствующего тем представлениям, из каких исходил Вергилий при описании столицы Латина: Эней, согласно Вергилию (Аен. VII, 170 sq.), застаёт не только царство со многими городами, но и дворец царя, свидетельствующий о могуществе этого царства. Еще недавно это место из «Энеиды», рисующее «дворец с множеством гордых

³³ Zevi, Bedini. La necropoli..., p. 29—37.

³⁴ Zevi F., Bartoloni G., Cataldi Dini M. Castel di Decima.— Notizie degli scavi, 1975, p. 233—367.

³⁵ Bedini. L'ottavo secolo..., p. 275; Cornell T. J. Rome and Latium Vetus.— Archaeological Reports vor 1979—1980, p. 77—78.

³⁶ Cornell. Op. cit., p. 78.

³⁷ Zevi, Bedini. La necropoli..., p. 37—38.

³⁸ Могилы с оружием, опубликованные к 1980 г., дают следующее соотношение: из 27 захоронений первой половины VIII в. до н. э. 10 имеют только копьё, 5 — только мечи, 12 — и копьё и мечи; так же и для второй половины того же столетия из могил, имеющих лишь один вид вооружения, большая часть содержит копьё, меньшая — мечи (Cornell. Op. cit., p. 77).

³⁹ Zevi, Bartoloni, Cataldi Dini. Castel di Decima..., p. 233 sg.

колонн», возведенный за поколение до Латина, и при дворце храм, курию и покои для священных пиров, украшенные изваяниями предков, не могло восприниматься иначе, чем поэтический образ. Теперь отношение к описанию Вергилия приходится пересматривать. Рисуя облик царства латинян, поэт мог опираться на традицию, в общих чертах верно отражавшую социальную картину доэтрuscoго Лация⁴⁰.

А. Бедина, публикующий материалы некрополя, интерпретирует факт захоронения в могилах знати «престижных» вещей как результат воздействия окружающей греческой среды на погребальный ритуал и «погребальную идеологию» латинян⁴¹. Однако такое стремление найти источник влияния на Лаций в столь консервативной сфере уже не соответствует новому уровню представлений о Лации, складывающемуся в результате раскопок в Кастель-ди-Дечима. Если принять гипотезу А. Бедина о греческом влиянии на «погребальную идеологию» населения Лация VIII—VII вв. до н. э., то невозможно объяснить, почему на протяжении VII в. до н. э. захоронения содержат все меньше и меньше предметов роскоши при сохранении в них обильного по количеству инвентаря. Объяснение этого феномена изменениями в идеологии, приведшими к сознательному отказу от помещения в могилы престижных вещей⁴², не представляется достаточно обоснованным, особенно если учесть, что захоронения в некрополях греческих колоний Южной Италии этому принципу не подчиняются. Видимо, объяснение должно быть принципиально иным: приходится признать наличие развитого общества, из социальной структуры которого исходили источники Вергилия. Что же касается оскудения могил, прогрессирующего на протяжении VII в. до н. э., оно могло быть вызвано изменениями, происходившими в Лации в связи с тем, что возрастающая мощь этрусских городов (к которым перешла торговля) создавала для Лация несомненные экономические трудности, затем устраненные в результате фактического поглощения Лация этрусками к началу VI в. до н. э. (когда Политория уже не существовало).

Поселение Кастель-ди-Дечима только еще начинает обрисовываться, но уже возможно установить преемственность его слоев с IX по VII в. до н. э.⁴³

Значительно лучше выявлен другой центр древнейшего Лация, который по топографическим соображениям отождествляется с Фиканой, захваченной, согласно традиции, Анком Марцием, как и Политорий, но в отличие от Политория не разрушенный после переселения жителей в Рим (Liv., I, 33, 2; Dion Hal., III, 38). Поселение, которое раскапывается с 1975 г., располагалось в 6 км от побережья, занимая холм и долину Монте-Куньо. С трех сторон его защищала природа, с четвертой — стена и ров, относящиеся к самому концу VIII в. до н. э. Первоначально этим же временем датировали возникновение поселения; в дальнейшем в пространстве внутри стены обнаружили протовиллановскую керамику X в. до н. э. и костные остатки, свидетельствующие о более раннем заселении места, где затем возникает город; кроме того, недалеко от вершины холма выявлены остатки поселения, частично разрушенные последующей по-

⁴⁰ Любопытно отметить, что даже в деталях, казавшихся несовместимыми с обликом древнего Лация, использованная поэтом традиция оказалась точной: так, колесницы, постоянно фигурирующие в поэме в сценах битв и состязаний, уже не могут рассматриваться как анахронизм, введенный по аналогии с гомеровскими поэмами. Так же и курганные захоронения, о которых говорит поэт применительно к Лации (Aen. X, 494 sq.), обретают реальный прототип. Подтверждается и упоминавшееся Варроном (L. L. V, 89) деление архаического легиона на три группы воинов. Варрон называл их *hastati* — вооруженные копьями, *principes* — мечами, и *pilani* (или *triarii*) — пезерв.

⁴¹ *Bedini*. L'ottavo secolo..., p. 294.

⁴² *Ibid.*, p. 293.

⁴³ *Guaitoli M.* L'abitato di Castel di Decima.— *Archeologia laziale*, II, 1979, p. 37—40.

стройкой упомянутой стены ⁴⁴. На северо-восточном склоне холма раскопано четыре дома, современные защитным укреплениям. Стены их из соломённой плетёнки, оштукатуренные глиной. Самый большой из них — удлиненной формы (3 × 21 м) и стоит на слое спрессованного аллювиального песка, смешанного с галькой. Остальные три фундамента не имеют. Все три разной формы: один квадратный (6 × 6 м), с четырьмя опорными столбами; другой прямоугольный, и в нем наиболее короткая шестиметровая сторона не имеет опоры (опорные столбы — на середине каждой из длинных сторон); третий — овальной формы и снабжен двойным рядом внутренних столбов. Две первые конструкции сопоставимы с известными по погребальной этрусской архитектуре, третья аналогична жилой постройке, обнаруженной в 1976 г. при раскопках доэтрусского поселения начала периода Виллановы на месте одного из некрополей Тарквинии ⁴⁵. К середине VII в. до н. э. строительная техника прогрессирует. Стены размещаются теперь на фундаментах из туфовых плит, более или менее правильной формы, крыши покрываются черепицей ⁴⁶. Среди находок, сделанных на местах домов, в мусорных ямах, в заполнении защитного рва и состоявших в основном из керамики протовиллановского и субапеллинского типа и импасто, следует отметить наличие также и этрусской керамики. Дополнительным аргументом, подтверждающим органичность контактов с Этрурией уже для конца VIII — начала VII в. до н. э., служит фрагмент сосуда из фигулийской глины, украшенной субгеометрическим орнаментом и содержащий граффити с цифрой, передаваемой в этрусском написании — XXXXXIII ⁴⁷.

О связях с Восточным Средиземноморьем свидетельствуют три находки: скарабей из голубого фаянса в заполнении защитного рва, датированный VIII в. до н. э. ⁴⁸, несколько бусинок из стекольной пасты в детском погребении VII в. до н. э. и большой терракотовый котел с четырьмя головами грифонов, обнаруженный в колодце, куда было сброшено все, испорченное в пожаре одного из зданий VII в. до н. э. ⁴⁹ Декоративные мотивы скарабеев говорят о неегипетском их происхождении — ближайшие аналогии их декору находят в рельефах Северной Сирии (Кара-тепе) и Киликии. На Восточную часть Малой Азии указывают протомы грифонов, находимые, помимо Фиканы, как в латинском городе Пренесте, так и в погребениях Этрурии ⁵⁰.

По сравнению с Капель-ди-Дечима восточных предметов в Фикане немного. Но обследована пока еще незначительная часть поселения и всего несколько могил некрополя, а главное — и в Капель-ди-Дечима основная масса восточного импорта падала на VIII в. до н. э., в то время как на конец VIII — начало VII в. до н. э. восточных предметов приходилось немного. И подобно тому как в некрополе Политория могилы VII в. до н. э. характеризуются постепенным оскудением погребального инвентаря, так и в Фикане могилы VII в. до н. э. (самые ранние из найденных здесь могил) дают, как и в Политории того же времени, обильную керамику, но очень мало бронзовых предметов и еще меньше украшений. Это довольно однородные погребения, не отличающиеся роскошью. Но вместе с тем здесь значительно больше, чем в Политории, могил, полно-

⁴⁴ Bartoloni G., Fischer-Hansen T., Zevi F. Ficana.— SE, XLV, 1977, p. 432; Brandt J. R. Pavolini C., Cataldi Dini M. Ficana.— Archeologia laziale, II, 1979, p. 29—36; Cornell. Op. cit., p. 81; R. B. J., P. C. Ficana.— SE, XLVIII, 1980, p. 529 sg.

⁴⁵ R. B. J., P. C. Ficana..., p. 530.

⁴⁶ Ibid., p. 530—531. От этого времени раскопано два здания — одно внутри, другое вне защитного рва. Оба они прямоугольные в плане, оба средних размеров (ширина одного — 5, другого — 5,2 м, длина — несколько больше).

⁴⁷ Bartoloni, Fischer-Hansen, Zevi. Ficana..., p. 433.

⁴⁸ R. B. J., P. C. Ficana..., p. 530.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Rathje A. Oriental Imports in Etruria in the Eighth and Seventh Centuries B. C.— In: Italy before the Romans. London — New York — San Francisco, 1979, p. 170—176.

стью лишенных инвентаря: это или просто яма, наполненная землей, куда опускалось тело без какого бы то ни было погребального инвентаря, или яма с боковой нишей для тела, прикрытой поставленной на ребро черепицей, и тоже без инвентаря ⁵¹.

Наряду с Политорием и Фиканой обширное, окруженное валом поселение обнаружено также в местечке Аква Ачетоза (Лаврентина) в 8 км от Рима по Лаврентийской дороге. Относится оно к IX в. до н. э. К сожалению, наиболее древние из могил его некрополя были разрушены добычей пуццолана и самые ранние погребения относятся к последней четверти IX в. до н. э. ⁵² Ряд могил содержит изделия из слоновой кости, янтарь, серебряные и золотые чаши, бронзовые сосуды, среди которых выделяются великолепием работы треножники и цисты, а также финикийскую, греческую, этрусскую керамику. По богатству погребального инвентаря этих могил некрополь Лаврентины сопоставим с некрополем Кастьель-ди-Дечима, и так же как там, в наиболее богатых захоронениях обнаружены остатки колесниц. Этим сходство не ограничивается. Подобно тому как в Политории ряд наиболее богатых погребений группировался вокруг тумулуса, так и здесь группа могил восточной части некрополя образывала круг, в центре которого находились две гробницы, резко превышающие остальные по размерам ⁵³.

Еще одно поселение и некрополь, прослеживаемые с VIII в. до н. э., раскапываются наиболее активно с 1975 г. в местечке Рустика по Коллатинской дороге. Также и здесь в богатых захоронениях находят металлические сосуды, тонкую, в основном импортированную, посуду, янтарь, стекло и бусины из стеклянной пасты и другие украшения ⁵⁴.

В километре от античных Габий на территории современной Остерии дель Оза обнаружен только некрополь, но зато сохранивший древнейшие могилы: из почти двух сотен раскопанных захоронений большая часть датируется 900—770 гг. до н. э., относясь, таким образом, к фазе, раньше документированной лишь спорадическими находками Альбанских холмов и римского форума. Могилы а fossa (с труположением) и а rozzo (с трупосожжением) содержат множество бронзовых предметов, урны-хижины с миниатюрными сосудами, миниатюрным бронзовым оружием, иногда грубо моделированными фигурками из обожженной глины. Наиболее богатые захоронения с обилием привозных, часто финикийских сосудов свидетельствуют о стремлении к накоплению «престижных» вещей ⁵⁵.

О том, что Лаций IX—VIII вв. до н. э. с его богатейшими погребениями не представлял собой исключения, а отражал общий уровень населения Тирренского побережья Италии не только в период этрусского господства, но и до соприкосновения с этрусками, не менее красноречиво свидетельствуют могилы знати в Понтеканьяно ⁵⁶. Некрополи Понтеканьяно, раскопанные в основном также в 70-х годах, дали более двух с половиной тысяч захоронений VIII в. до н. э., самые богатые из которых (могилы № 226 и 928) напоминают наиболее значительные из этрусских гробниц Ветулонии. Среди обнаруженных в них в большом количестве предметов роскоши немало восточного импорта. Знаменательно, что здесь выявлены и финикийские бытовые предметы, свидетельствующие о размахе торговли с Востоком.

⁵¹ Bartoloni, Fischer-Hansen, Zevi. Ficana..., p. 434; Cataldi Dini M. Prima campagna di scavo nella necropoli di Ficana. — PdP, 1977, p. 315—329.

⁵² Bedini A. Abitato protostorico in località Acqua Acetosa Laurentina. — Archeologia Laziale, III, 1980, p. 58 sg.

⁵³ Cornell. Op. cit., p. 79; Bedini A. Abitato protostorico in località Acqua Acetosa Laurentina. — Archeologia laziale, II, 1979, p. 21—28.

⁵⁴ Cornell. Op. cit., p. 77.

⁵⁵ Cornell. Op. cit., p. 73—76.

⁵⁶ d'Agostino B. Tombe principesche dell'orientalizzante antico da Pontecagnano. — Accademia Lincei. Monumenti antichi, v. XLIX, Roma, 1977, p. 9—51.

Открытия на территории Лация в сочетании с ранее известным инвентарем гробниц Бернардини и Барберини (теперь уже нет никаких оснований приписывать их похороненным в Лации этрускам) рисуют облик Лация VIII в. до н. э. неожиданно даже более развитым, чем Этрурия того же времени. Они проливают новый свет на место архаической Италии в общем развитии античного мира в предполисный период. Ранний период эллинской торговли с Италией связывался с возникновением в Кампании древнейшей греческой колонии Кум, через которые шла торговля Этрурии металлом. Возможность того, что через Кумы осуществлялась торговля с более близким приморским Лацием, исключалась, ибо неизвестно было существование развитых латинских центров, современных возникновению Кум. Теперь такая возможность уже не может вызывать сомнений. Несомненно и то, что независимо от Кум с теми же латинскими центрами поддерживали контакты и финикийцы, которые до начала регулярной греческой колонизации Запада обладали в Ливии Карфагеном, а в Сицилии рядом колоний, особенно в западной ее части, которую им удалось сохранить и после греческого проникновения на этот остров. Путь в Лаций Энея, как его рисует традиция (Карфаген — западное побережье Сицилии — мыс Палинур — место будущих Кум), — это путь, которым в VIII в. до н. э. пользовались финикийские торговцы, оставившие свои следы в Политории, Пренесте и других местах Лация⁵⁷.

Такой уровень развития древнейшего Лация означает, что тот вариант легенды об Энее, который связывает троянского героя после падения Трои с Лацием, мог возникнуть в самом Лации, вне какого бы то ни было воздействия на разработку данного варианта, расходящегося с гомеровским, как греческой, так и тем более этрусской колонизации. Это, конечно, отнюдь не исключает дальнейшего развития художественной обработки сюжета и этрусками, которым малоазийский герой должен был быть особенно близок, и греками, излагавшими историю западного мира в соответствии с художественными приемами, разработанными греческой историографией.

Сама же местная традиция опиралась на реальные (и теперь нам известные по материалам сотен могил) контакты Лация с Восточным Средиземноморьем, осуществлявшиеся главным образом через финикийцев, но не исключавшие ни прямых контактов, ни даже передвижений отдельных групп населения Трояды, — однако не в период, который традиция связывает с Троянской войной, а не ранее IX в. до н. э., т. е. в период, предшествующий греческой колонизации и отчасти совпадавший с самым ее началом. В Рим же легенда об Энее в Лации могла быть перенесена насильственно переселенными туда жителями захваченных Анком Марцием латинских городов, сам факт покорения которых, долгое время в науке отрицавшийся⁵⁸, получил подтверждение благодаря все тем же последним открытиям.

⁵⁷ Рим, который начиная с 509 г. до н. э. регулировал отношения с Карфагеном посредством торгово-политических соглашений, надо думать, был наследником не известной нам по литературным источникам «латинской» фазы финикийско-карфагенской торговли с Лацием, города которого, как стало теперь ясно, возникли и вошли в фарватер торговли с Восточным Средиземноморьем до возникновения Рима.

⁵⁸ Сохраненная Титом Ливием (I, 33) и Дионисием Галикарнасским (III, 37—43) традиция о завоевании Анком Марцием Политория, Фиканы и других городов Лация и переселении их жителей в Рим издавна была объектом разрушительной критики со стороны А. Шwegлера, А. Эммануэля, Дж. Каркопино, а позднее Ж. Дюмезиля и А. Альфельди. Согласно А. Шwegлеру, Анк Марций — «продукт исторической конструкции» и рассказ о его завоевании в Лации возник потому, что он считался основателем племени (*Schwegler A. Die römische Geschichte. I. Tübingen, 1853, S. 602.*). Неисторическим лицом Анка Марция считал и А. Эммануэль, хотя и видел реальную основу в рассказе о присоединении латинских городов (*Эммануэль А. Легенда о римских царях, ее происхождение и развитие. СПб., 1896, с. 190 сл.*). Дж. Каркопино утверждал, что приписываемое Анку Марцию основание Остии после победы над латинскими городами на самом деле могло произойти не ранее 335 г. до н. э., а сам четвертый римский царь обязан своим существованием тому, что в середине IV в. до н. э. просла-

Раскопки в Кастель-ди-Дечима и Монте Куньо подтвердили правильность римской традиции не только в общих чертах, но и в некоторых деталях излагаемых событий: от Политория, о котором Ливий утверждает, что Анк Марций разрушил его уже после переселения жителей в Рим (I, 33, 3), действительно, не сохранилось следов жизни после VII в. до н. э., тогда как Фикана, по поводу которой Ливий говорит об ее захвате и уводе жителей, но не о разрушении (I, 33, 3), продолжала существовать (хотя и в меньших масштабах) и после VII в. Как удалось установить в 1979 г. благодаря случайным находкам керамики и глиняных антефиксов в Остии, поселение на месте будущего порта Рима существовало одновременно с расположенной поблизости Фиканой в протовиллановский период⁵⁹. Так становится ясным и тот путь, которым шло в Лаций ориентализирующее влияние, охватившее не только побережье, но и внутренние его части.

Таким образом, сколь ни парадоксальным это может показаться, истоки легенды об Энее в западных землях восходят скорее всего примерно к тому же времени, когда складывается гомеровский эпос. Если Гомеру известны только те варианты судьбы Энея, которые были распространены в Троаде, будучи связаны, как справедливо отмечается в современной литературе⁶⁰, с продолжением традиции автохтонного троянского населения, и неизвестны рассказы об Энее и других троянских героях, связывающие их с землями Запада, то отсюда не следует, что таких вариантов быть не могло, ибо это может быть связано просто с тем, что грекам — современникам Гомера — Италия практически известна не была, а воспринималась лишь сквозь призму полуфантастических рассказов, донесенных аэдами из той глубокой древности, когда в западные воды еще заплывали микенские кущи.

Легенда об Энее в Италии могла разрабатываться (без письменной фиксации) в землях Лация современниками Гомера или даже людьми предшествующего ему поколения, но стать известной в греческом мире лишь после того, как с зарождением историографии в VI в. до н. э. возник интерес к землям, лежащим за пределами Балкан и той части Малой Азии, которая была освоена греками задолго до начала Великой греческой колонизации.

Л. С. Ильинская

OBJECTS FOUND IN LATIUM VETUS AND THEIR BEARING ON THE AENEAS TRADITION IN OCCIDENT

L. S. Il'inskaya

In recent decades new archaeological material has been found in Italy relating to the ancient Tyrrhenian coastal towns in the 8th and 7th centuries B. C. The new finds, which reveal a high degree of property differentiation and extensive trade with the eastern Mediterranean, make possible substantial revision of previous interpretations of the ancient tradition regarding pre-Roman and pre-Etruscan Latium. Memories of the

вился Гай Марций Рутилий, дублетом родового имени которого стал Анк Марций (*Carcopino J. Vergile et les origines d'Ostia. P., 1919, p. 34 sq.*) Ж. Дюмезиль объяснял появление Анка Марция с помощью своей «функциональной мифологии», благодаря чему римский царь оказывается мифической фигурой, воплощающей «третью функцию» царской власти (*Dumézil G. Tarpeia. Cinq essais de philologie comparative indo-européenne. P., 1947, p. 199 sq.*). А. Альфельди хотя и не считал, что Анк Марций — мифическая фигура, но отрицал реальность его побед над латинами и подчиненное положение последних в рамках латинского союза (*Alföldi. Early Rome..., p. 221 f.*).

⁵⁹ C. A. M. Ostia (Roma).— SE, XLVIII, 1980, p. 534; *Andrén A. Un gruppo di antefisse fittili etrusco-laziale e la questione dell'esistenza di un abitato ostiense anteriore alla colonia romana.*— SE, XLIII, 1980, p. 93—99.

⁶⁰ *Гордезиани. Ук. соч., с. 222 сл.*

existence in Latium of a fairly advanced society at the beginning of the 8th century could have passed down to earlier Roman literary sources on which Vergil may have drawn for his description of the palace of Latinus. The fact that such a society did exist in reality allows the conjecture that in Latium itself there arose a legend connecting Aeneas with that territory, a legend quite unconnected with the Etruscan or Greek colonisation and differing from the Homeric variant. This is not of course to set aside the later development of the story, its artistic elaboration by both the Etruscans, to whom the Trojan hero was dear, and the Greeks, who told the story of the western world in modes worked out in their historical works of the 6th and 5th centuries. The hypothesis of an independent local tradition is supported by the material evidence found in hundreds of graves attesting contacts with the East Mediterranean area. The contacts were made chiefly through the Phoenicians — not, however, in the period tradition assigns to the Trojan War, but no earlier than the 9th century B. C., in the period preceding the Greek colonisation and partly overlapping its very beginning. It must have been at this time that the legend of Aeneas began to take shape in Italy. The local variant of the traditions about this Trojan hero could have become known to the Greek world only after early Greek historiography had aroused interest in the lands outside the limits of the Greek world proper.
